

В тисках эмансипации

Бесценные традиции и нетрадиционные ценности европейского консерватизма

Есть целый ряд актуальных проблем, убедительно демонстрирующих кризисное состояние европейского общества, в том числе проявляющих его внутреннюю разбалансированность. Прежде всего они открываются в аксиологической плоскости, где последние традиционные ценности еще противостоят натиску всепоглощающей эмансипации. В политике подобные ценности принято ассоциировать с консервативной мыслью. Консерватизм дает более жесткие ответы на большинство гуманитарных вопросов, он настойчив и требователен в отстаивании человеческой природы и нормативных основ общественного бытия перед угрозой гедонистического разложения. В русле консервативного дискурса констатируется и обосновывается упадок социума, поддавшегося соблазну морального упрощения в соответствии с требованиями мнимого прогресса.

Вообще, ощущение упадка, изначально являвшееся доминантным переживанием, определяющим стиль и «пафос» консервативного мышления, становится неотъемлемой чертой современного «цивилизованного» общества с его весьма нечеткими, размытыми и подвижными представлениями о границах допустимого. Вытеснение традиционных ценностей в «заповедники» общественного сознания вызывает ответное стремление сохранить и по возможности воспроизвести хотя бы немного из оставшегося еще нетронутым.

Обозначенные проблемы тесно соприкасаются, или даже переплетаются, со сферой, составляющей религиозную подсистему европейского общества. Поддержание устоев общества предполагает культивирование народных ценностей, центральное место среди которых занимает религия. Ей же отводится и главенствующая роль в поддержании стабильности общественного уклада. Как бы мы ни заостряли свое внимание на социальных моментах, консервативная иерархия ценностей формировалась вокруг духовных приоритетов. В числе традиционных ценностей, заповеданных людям, консерватизм выделяет великое благо, состоящее в возможности общаться с Богом. Данная мировоззренческая платформа послужила установлению глубокой связи между политикой и религией. Связь эта еще более усиливается за счет расширительной трактовки консервативной политической миссии как задачи коллективного спасения.

СМИРНОВ Алексей Николаевич — старший научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Ключевые слова: Европа, консерватизм, либерализм, идеология, ценности, христианство, секуляризм, эмансипация, однополые браки, права сексуальных меньшинств.

«Первое поколение» европейских консерваторов было наиболее последовательно в отрицании волевого и рационального начала, а вернее — выводимой из него сущности политических отношений, на чем так упорно настаивали (и настаивают) поборники общественного прогресса. Представители либеральных и радикальных течений, обосновывая цели социальной эмансипации, признают их безусловный приоритет перед любыми прежними установлениями, что закономерно ставит вопрос об исходных политических принципах. Консервативные мыслители, напротив, говорят о моральных обязательствах, не зависящих от свободного и осознанного выбора людей, то есть более соответствующих понятию долга. Как подчеркивает один из основоположников консерватизма Эдмунд Берк, «у нас имеются обязательства по отношению к человечеству в целом, которые не являются следствием какого-либо специального добровольного пакта»¹.

* * *

Характерно, что европейские партии, представляющие всю широту политического спектра, до последнего времени оставались восприимчивыми к духовным запросам, остро чувствовали их на уровне социальных практик и, с учетом региональных особенностей, довольно четко разделялись по своему отношению к религии. В максимально упрощенном виде противопоставление «левые — правые» соответствовало реальной идеологической антитезе, где атеизму и антиклерикальным настроениям оппозирует защита веры, церкви и религиозных устоев. Традиционное размежевание в религиозной сфере происходило между консерваторами и либералами. Мировоззренческий либерализм сводит религию к сугубо приватным вопросам, составляющим индивидуальный выбор верующего. Будучи спроецирован в политическую плоскость, он неизбежно приобретает секуляристскую направленность и ведет к вытеснению церкви за рамки государственной компетенции.

И то и другое расходится с классическими консервативными установками, хотя на исходе XX века Европа, в сущности, распрощалась с религиозным консерватизмом. В протестантской Европе и во Франции христианские ценности востребованы политикой, но уже давно выполняют скорее атрибутивную функцию. Южно-Европейский регион, бывший оплотом политического католицизма, перестал им быть в последней трети минувшего столетия на волне демократизации и борьбы с наследием авторитарных режимов. Практически повсеместно — за исключением Южной Германии и Австрии — католицизм как мобилизующая общественно-политическая сила сдал свои позиции.

Ситуация в православной Греции обладает несомненной спецификой, которую, впрочем, не стоит преувеличивать. Глобализация, культурная плюрализация, социальная диффузия, информационный и потребительский бум последних десятилетий стали факторами возрастающей религиозной индифферентности европейского населения². В подобных условиях крайне затруднительно выделить консервативные тенденции, соответствующие особому, политически обоснованному восприятию религии. Консерватизм по-прежнему противостоит секуляризму и рационализму. Однако, выдвигая данный

¹ Берк Э. Правление, политика и общество. М., 2001. С. 91.

² См. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 139.

тезис, следует учитывать социальные изменения, эволюцию политических предпочтений и, в особенности, коррекцию самих религиозных взглядов.

Переломный момент в эволюции консервативной идеологии наступил совсем недавно. Он был предопределен и обусловлен возникновением постмодернистского общества. В условиях массовой демократии и господства неолиберальных ценностей традиционно присущий консерватизму стиль мышления оказался неуместным и обременительным для атомизированного социума, поскольку налагал слишком строгие обязательства, а подчас даже ограничения, на массы людей, утративших свою культурную самодостаточность. Большинству ныне живущих европейцев как минимум неочевиден смысл подобного подчинения, он выходит за рамки представлений об их практических потребностях.

Обращение к традициям и историческому наследию нередко носит характер имитации, обеспечивающей потребительский спрос на «культурные продукты». Еще раньше реальные консервативные ценности, питавшие соответствующую идеологию, превратились в набор политических символов. Дух преемственности некогда утверждал жизнеспособность консерватизма, но сам оказался бессилем перед вызовами эпохи. Воплощавшие его социальные институты (в первую очередь традиционная нуклеарная семья и церковная община) настолько ослабли и «разрыхлились», что уже не могли ассоциироваться с моделью современного общества. Это стало фактическим приговором традиционному консерватизму и знаменовало наступление системного кризиса для всех консерваторов. Под таковыми мы понимаем любые политические течения, ассоциирующие себя с консервативными ценностями, безотносительно их «индивидуальных» идеологических склонностей и предпочтений, будь то неолиберализм, неоконсерватизм или правый популизм³.

Чтобы понять принцип взаимодействия между религией и политическим консерватизмом в современной Европе, обратимся к примеру Германии. При низком в целом уровне религиозности общества для большинства немцев характерна устойчивая зависимость, существующая между политическими предпочтениями и конкретным вероисповеданием. Причем последнее подразумевает не реальную религиозную практику, а в большей степени приверженность церковной структуре, то есть самоидентификацию на уровне отождествления с определенным направлением христианства.

Подобная приверженность носит традиционный характер и позволяет зонировать территорию Германии в соответствии с политико-религиозной ориентацией населения. В преимущественно католических Баварии, Баден-Вюртемберге, Рейнланд-Пфальце господствующие политические позиции занимают христианские демократы; тогда как Северный Рейн-Вестфалия, Нижняя Саксония и Бранденбург с преобладающей долей протестантов являются оплотом социал-демократов. Особенно отчетливо подобное размежевание обозначилось к концу минувшего столетия, когда Германия переживала очередную политический «перелом» — после рекордно длительного периода правления ХДС/ХСС уступила власть коалиции СДПГ и Партии «зеленых»⁴.

³ См. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков, 2009. С. 30–33.

⁴ См. Иерусалимский В. Церкви Германии перед вызовом секуляризации // Современная Европа. 2006. № 4. С. 96.

С определенными оговорками можно утверждать, что до конца XX века немецкие консерваторы еще сохраняли христианские черты в своем партийно-политическом облике, то есть номинально декларируемая приверженность христианским ценностям подкреплялась действительной связью политиков с религиозными институтами и структурами. Упомянутая связь возникла после Второй мировой войны и на несколько десятилетий определила политический облик немецкого консерватизма. Разгром нацизма положил начало духовному преобразению германской нации, в основе которого оказалось чувство глубокого раскаяния, приобретенного для многих тысяч немцев форму религиозного покаяния. Главным побуждающим мотивом стало осознание вины перед человечеством и Всевышним в грехе непомерной общенациональной гордыни, а также стремление расплатиться за этот грех и заполнить моральный вакуум, порожденный страшным духовным опустошением. Как следствие — актуальность христианской идеи, одинаково остро ощущавшаяся католиками и лютеранами, претворилась в ее политическую востребованность, что привело к формированию общехристианских партий во всех зонах оккупации. В советской зоне возникла Христианско-демократическая партия Германии, а в зоне западных союзников — Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз (в Баварии).

По понятным причинам восточногерманский импульс не дал полноценных политических результатов. Зато в ФРГ идейно-политическая гегемония ХДС/ХСС и почти двадцатилетнее пребывание консерваторов у власти обеспечили выдающиеся успехи страны в политике, экономике и социальной сфере. Все это время церкви оказывали заметное влияние на функционирование правящего блока. Такой порядок, установившийся в 1950—1960-е годы, продемонстрировал свою эффективность и даже позволил считать политический клерикализм характерным признаком западногерманской власти. Вплоть до 1970-х годов обычной практикой католической церкви были «предвыборные» обращения к пастве с настойчивой рекомендацией голосовать за «богоугодный» блок ХДС/ХСС или его кандидатов.

Церковные структуры и христианские партии пребывали в состоянии тесного симбиоза, под их идеологическим воздействием находились все сферы социальной жизни германского общества. В то же время доктринальные противоречия между католицизмом и лютеранством отходили на задний план перед общим антикоммунистическим мировоззрением. Приверженность рыночной, плюралистической модели развития, в сущности, актуализировалась необходимостью противостоять коммунизму не только как чуждой общественной формации, но и как «царству безбожия»⁵.

Успех христианско-демократического движения в ФРГ был связан с еще сохранявшейся и действенной сетью традиционных институтов — основной социальной базой массового консерватизма. Германский консерватизм, потерявший за полвека опору в виде монархии, сословий, национального духа, милитаристского сознания, подпитывался «снизу» мощной культурной традицией и деятельностью местных околоцерковных союзов. Они увязывали воедино конфессиональную, социально-профессиональную и локально-земляческую самоидентификацию граждан. Описанная

⁵ См. там же. С. 107.

ситуация наиболее характерна для католических регионов, где устойчивые традиционалистские стереотипы, принципы иерархизма, солидаризма и корпоративизма долгое время способствовали культивированию консервативных ценностей. К числу наиболее влиятельных структур можно отнести социальные рабочие комитеты ХДС, распространяющие католическое влияние на промышленную среду, а также десятки других общественных организаций. На протяжении послевоенных десятилетий усилиями упомянутых институтов поддерживались жизнеспособность и функциональность церковно-политического альянса.

Первый и наиболее мощный удар по немецкому консерватизму был нанесен в конце 1960-х — первой половине 1970-х годов, когда Германию и всю Европу охватили массовые демократические протесты. Хотя основные протестные требования формулировались в политической плоскости, сами молодежные бунты порождались мировоззренческим сдвигом, произошедшим в тот период. Если отрешиться от частных деталей, становится очевидным, что главным объектом выступлений являлись социальные и бытовые устои, в которых еще сохранялся дух традиционализма. Разумеется, на острие критики находилась церковь как блюстительница традиционных начал и «вдохновительница» политического консерватизма.

Впоследствии кризис немецкой религиозности принял, видимо, необратимый характер. Влияние церкви неуклонно ослабевало в связи с прогрессирующей секуляризацией массового сознания. К настоящему моменту отмечается стабильно незначительное, по сути символическое, участие религии в политических делах ФРГ.

Католическая церковь, имеющая традиционную опору в лице избирателей ХДС/ХСС, еще претендует на роль духовного проводника, однако с каждым годом ей все сложнее реализовывать заявленную позицию. Ситуация осложняется тем, что сама христианская традиция стала предметом острых внутрицерковных дискуссий между либералами и консерваторами. Последние не удерживаются в сугубо религиозных рамках и от вероисповедальных вопросов, проблем христианской этики или взаимоотношений с иными конфессиями все чаще переходят к социально-политическим реалиям, вторгаются в сферу публичной политики, подвергая жесткой критике партии и конкретных деятелей.

Примером может послужить позиция, занимаемая лидером консервативного крыла — кельнским кардиналом Йозефом Майснером. Представляя взгляды католических ортодоксов, Майснер решительно выступает против вольностей последних лет вроде разговоров о рукоположении женщин и отмене целибата, компромиссов в русле экуменизма или недопустимо снисходительного отношения к моральной «эмансипации». Будучи последовательным борцом за христианские устои, не склонным строго разграничивать светское и религиозное, кельнский кардинал критически оценивает деятельность ХДС/ХСС. По его мнению, обе партии так далеко зашли по пути секуляризации, что уже утратили право на имя Христово⁶.

С другой стороны, догматикам-консерваторам, получающим поддержку в Ватикане, противостоит в германском католицизме умеренно-прагматическое течение. Показателен конфликт, разгоревшийся вокруг отношения

⁶ См. Der Spiegel. 2005. № 30. S. 52.

церкви к проблеме аборт. Опасаясь конфликта с обществом, большинство иерархов предпочли поддержать закон, принятый в 1995 году правительством Г. Коля, который при определенных условиях легализовывал аборты.

Итак, нет оснований полагать, что секуляризация германской политической сферы, начавшись несколько десятилетий назад, достигла финальной стадии. И тем не менее налицо качественная трансформация всего социально-политического ландшафта. Сам процесс, очевидно, отражает знаковые перемены, произошедшие в обществе. Политический выбор уже не является вопросом веры, вместо убеждений действуют прагматические побуждения, а идеалы, если и существуют, являют собой нечто смутное и маловыразительное. Переход от «сакральной» к «секулярной» политике закономерным образом минимизировал влияние религии как наиболее мощного «фактора» сакрализации.

Свой вклад внесло и общее «расцерковление» электората. Причем в данном случае сказались традиционные политико-религиозные привязанности населения, ранее «работавшие» на усиление консерваторов-клерикалов. Симпатии активных католиков к ХДС/ХСС всегда были очевидны: примерно трое из четырех граждан, регулярно посещающих церковь, голосовали и голосуют на выборах за христианские партии. Но коль скоро роль церкви в жизни людей снижается, доля электората, сохраняющего традиционные приверженности, также уменьшается — соответственно сокращению числа верующих⁷.

Попытки реанимировать консерватизм, вернуть его к активной политической жизни имели бы больше шансов на успех, если бы они предполагали возрождение интеллектуальной, и особенно духовной, традиции. Увы, в данной сфере серьезных шагов ожидать не приходится. Европейские прагматисты исповедуют строгий секуляризм, мотивируя его императивами «политкорректности» и религиозной индифферентностью государства. Между тем на кону стоит нечто более существенное, нежели сохранение «светского целомудрия». Если подходить к пониманию консерватизма как системной исторической альтернативы, противопоставляющей себя универсалистским доктринам Нового и Новейшего времени, сознательный отрыв от христианских корней (неважно — культурно-исторических или политических, ибо корни эти едины) ради каких-то иных универсальных ценностей равноценен отказу от себя.

* * *

Вместо попыток спасти хоть что-то из основополагающих христианских ценностей стали актуальными совершенно противоположные тенденции, которые нельзя расценивать иначе как признаки глубинной эрозии политико-культурных и мировоззренческих основ западного мира. Под громкие призывы к защите демократических «завоеваний» европейские политики, именующие себя «консерваторами», активно включились, в частности, в кампанию поддержки сексуальной эмансипации.

Яркий пример того демонстрирует Великобритания. Пожалуй, наиболее откровенным свидетельством перерождения английских консерваторов

⁷ См. **Каширских О. Н.** Политические партии Германии в контексте модернизации политических коммуникаций // Полис. 2009. № 2. С. 115.

является законопроект о легализации однополых браков, принятый нижней палатой парламента в мае 2013 года. Значительная часть депутатов от Консервативной партии во главе с премьер-министром Дэвидом Кэмероном голосовала в поддержку скандального законопроекта. Сам Кэмерон определил свою позицию давно и однозначно. Еще в конце 2011 года, выступая на партийной конференции, он заявил: «Однополые браки сделают семьи сильнее. Общество сильно тогда, когда мы берем на себя обязательства по отношению к кому-то другому. Я поддерживаю однополые браки не вопреки тому, что я консерватор. Я поддерживаю их именно из-за того, что я консерватор»⁸.

Эта фраза передает суть смысловой метаморфозы, произошедшей в идеологии партии. Традиционно семья занимала центральное место в системе аксиологических представлений консерваторов. Она являлась основополагающей ценностной доминантой, причем не только в сфере морали, культуры и социального бытия. Институту семьи придавалось громадное политическое значение в деле воспитания истинных патриотов — оплота сильного государства. Однако стоит ли говорить, насколько далеки идеалы прежних поколений, создававших славу Соединенного Королевства, от представлений и приоритетов современных британских политиков, озабоченных укреплением нетрадиционных «семейных уз» ради исполнения неких «общечеловеческих» требований.

Осознавая некоторую двусмысленность своих взглядов по вопросам поддержки сексуальных меньшинств, «реформаторски настроенная» часть британских консерваторов обращается к идейному наследию предшественников, «творчески» его переосмысливая. Едва ли кто-то выразит несогласие с утверждением, что быть консерватором — значит чутко реагировать на вызовы времени. Успешные политические партии не «тащат» массы в «светлое будущее», но и не «тащатся» сами вслед за ними, потакая сиюминутным желаниям. Они отражают современные общества, стремясь вести их вперед. По мнению реформаторов, именно так и поступают тори.

Тут как нельзя кстати пришли слова Маргарет Тэтчер. Представляя предвыборный манифест Консервативной партии 1979 года, «железная леди» сказала: «... сердце политики — это не политическая теория, это люди и то, как они хотят жить»⁹. Правда, сама она едва ли могла предположить, насколько далеко и в каком именно направлении станет развиваться британская консервативная мысль спустя 35 лет. Современные тори также «не имеют претензий» к правительству Тэтчер, а ведь в свое время им был инициирован ряд мер запретительного характера, направленных против пропаганды гомосексуализма.

Хотя депутаты голосовали независимо от генеральной линии своей партии, выражая личное мнение по данному вопросу, избежать раскола в рядах тори не удалось. Дебаты длились шесть часов, нашлось немало парламентариев, осудивших законодательные изменения за аморальность и потенциальную общественную опасность. Группа противников закона из

⁸ MPs to defy Cameron on gay marriage move. — www.expressandstar.com/news/politics/2012/12/02/mps-to-def-cameron-on-gay-marriage-move

⁹ Conservative General Election Manifesto 1979 / Margaret Thatcher Foundation. — www.margaret-thatcher.org/document/110858

числа консерваторов отправила Кэмерону открытое письмо, обвинив его в пренебрежении интересами партии. С точки зрения авторов послания, дело даже не в самом законе, а в том ущербе, который он наносит имиджу консерваторов. Представители правого партийного фланга полагают, что, выступая с подобными инновациями, Кэмерон теряет поддержку традиционного электората и не приобретает при этом достаточного числа новых сторонников. В результате пострадают электоральные перспективы партии на следующих выборах¹⁰.

Сторонники однополых союзов используют схожую аргументацию. Так, канцлер казначейства Джордж Осборн заявил депутатам от Консервативной партии, что они должны поддержать «брачное равноправие», поскольку в противном случае рискуют проиграть следующие выборы. По мнению Осборна, «явное большинство общественности выступает за изменения», и он испытывает гордость, работая над тем, чтобы они произошли как можно скорее. В подтверждение своих слов канцлер казначейства даже обратился к опыту Соединенных Штатов. Если верить Осборну, именно поддержка президентом Б. Обамой полноценного брака для гей-пар «воодушевила молодых избирателей», став одним из факторов его победы при избрании на второй срок¹¹.

Серьезное недовольство принятым законом выразили не только некоторые парламентарии, но и представители церкви — как католической, так и англиканской. Государственный закон вряд ли заставит их признать однополые браки и венчать геев. Таким образом, с подачи премьер-министра вбивается очередной мощный клин между церковью и обществом. Церковный и светский браки не просто разводятся, но и противопоставляются друг другу в силу абсолютной несовместимости христианских норм с «общечеловеческими». Борьба за права сексуальных меньшинств уже не первое десятилетие является актуальной темой европейской политики. За это время сформировалась определенная традиция, вполне достаточная, чтобы к ней апеллировали консерваторы. Но в случае с однополыми браками происходит подмена самого понятия, ассоциирующего защиту меньшинств с их специфическим положением. Заставляя воспринимать такие союзы как норму (хотя их аномальность очевидна в силу элементарных физиологических причин), политики подрывают традиционные, по сути — христианские устои семьи и брака на уровне базовых представлений. Имеются в виду представления о том, что семья рождается из естественного союза мужчины и женщины, а у ребенка должны быть отец и мать.

Впрочем, мнение клерикалов мало интересует сторонников реформы. Имиджевые потери их также не страшат. Борцы за «прочную однополую семью», напротив, указывают консерваторам на возможность позиционировать себя как прогрессивную силу, адаптированную к «требованиям общества». Еще более выражено этот мотив звучит за океаном. Сравнительно

¹⁰ См. David Cameron pledge to Tories: No more divisive issues like gay marriage. — www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/10072653/David-Cameron-pledge-to-Tories-No-more-divisive-issues-like-gay-marriage.html

¹¹ См. Tories won't win if we don't back gay marriage, says Osborne: But party Right urges him to focus on 'the issues that really matter'. 13 November 2012. — www.dailymail.co.uk/news/article-2232194/US-Presidential-election-shows-Tories-gay-marriage-lose-power-George-Osborne-warns.html

недавно в США появилась организация «Молодые консерваторы за свободу брака». Активистам этого довольно маргинального движения не откажешь в логике: раз брак является консервативной ценностью, то консерваторы должны на этой почве объединиться с ЛГБТ-сообществом и помогать последнему «бороться за свои права».

Какими же резонами руководствовался британский премьер, проталкивая законопроект, столь неоднозначно воспринимаемый даже его однопартийцами? Если отбросить трогательные рассуждения о помощи «обделенным» гомосексуальным парам и страдающим подросткам-геям, остаются причины политического порядка. За последние годы Консервативная партия Великобритании существенно изменила свой идеологический профиль. Партийная «модернизация», начатая Д. Кэмероном еще до занятия премьерского кресла, выразилась в настойчивом муссировании «гуманитарных» вопросов, которые принято считать далекими от традиционной повестки дня тори. Среди них особое место занимают экологические проблемы и все те же права гомосексуалистов.

Столь пристальное внимание к данным темам находится в тренде европейской политики, и британские консерваторы из чисто конъюнктурных соображений не могли оставаться в стороне. Вопреки ожиданиям, это не принесло Кэмерону и его соратникам существенных политических дивидендов. Мало того что консервативный электорат раскололся по вопросу поддержки однополых браков, даже сторонники законопроекта не верят в искренность главы правительства, а противники так и вовсе твердо убеждены: премьер легко пожертвовал ценностями, составляющими идейный багаж своей партии, в угоду сомнительным политическим выгодам¹².

Возможно, противники ошибаются, обвиняя Кэмерона в популизме. С его подачи гомосексуальная тема уже неоднократно получала политическое звучание. За полтора года до упомянутых событий британский премьер выступил с довольно резким заявлением, адресованным международной аудитории: на встрече глав правительств стран Британского содружества в австралийском городе Перт Кэмерон пригрозил отказать в гуманитарной помощи странам, запрещающим однополые связи. Он указал тем, кто получает помощь от Великобритании, на необходимость «придерживаться должных прав человека» и рекомендовал своим коллегам из других стран отменить запреты для сексуальных меньшинств¹³. Даже если данное заявление имеет отношение к внутренней политике Соединенного Королевства, столь отдаленный заход можно объяснить лишь искренней убежденностью в собственной правоте и значимости совершаемого. Чуть раньше, в начале октября 2011 года, Кэмерон призвал депутатов от своей партии поддержать однополые браки. Тогда же он заявил, что этот вопрос на повестке дня, и его обсуждения никак нельзя избежать.

Вместе с тем, исследуя резоны британских властей, не следует забывать и про банальное лоббирование. Отзывчивость власти на запросы гей-сооб-

¹² См. Britons vote in favour of same-sex marriage: Public backs PM on gay marriage but says he's doing it to be trendy. 15 December 2012. — www.dailymail.co.uk/news/article-2248833/Britons-vote-favour-sex-marriage-Public-backs-PM-gay-marriage-says-hes-doing-trendy.html

¹³ См. Cameron threat to dock some UK aid to anti-gay nations. 30 October 2011. — www.bbc.co.uk/news/uk-15511081

ществ, в том числе подчеркнутое внимание к «скользкой» теме однополых браков, не вызывает удивления, если принять во внимание высокую популярность нетрадиционных связей в среде британского истеблишмента.

* * *

Теперь посмотрим, как обстоит дело в тех самых «других» странах, к правительствам которых взывал британский премьер, озабоченный проблемой расширения сексуальных свобод. Особый интерес для нас представляют государства, следующие консервативным курсом, сообразно установкам доминирующих политических сил. Их реакция на массированную и агрессивную пропаганду «новой морали», ведущуюся в последние годы, может служить своеобразным «барометром» европейского консерватизма.

Подобно «бастиону» на пути модных европейских веяний стоит католическая Польша. Главным побудительным мотивом, заставляющим польских политиков противостоять «ползучей эмансипации», является вполне четко выраженная позиция большинства населения. Она же, в свою очередь, напрямую проистекает из социальной доктрины католической церкви, осуждающей любые формы однополых связей и особенно — посягающих на таинство брака.

Показательна дискуссия, разгоревшаяся в польском сейме вокруг так называемых партнерских союзов. Такой способ легализации партнерских отношений касается не только однополых, но и гетеросексуальных пар, не зарегистрированных посредством официально оформленного брака. Однако именно «нетрадиционный» аспект проблемы, очевидно, послужил основанием для ее обсуждения на законодательном уровне. К январю 2013 года вопрос о «партнерских союзах» достиг парламента. В ходе голосования выяснилось, что ни один из четырех законопроектов о регламентации подобных отношений, включая вариант, предложенный правящей либерально-консервативной партией «Гражданская платформа», не проходит. Подавляющее большинство парламентариев высказалось за то, чтобы вообще снять данный вопрос с повестки дня, причем часть депутатов от «Гражданской платформы» проголосовала наперекор политике своей партии, явно ориентируясь на консервативную часть электората¹⁴.

Премьер-министр Польши и глава правящей партии Дональд Туск посчитал отклонение законопроектов вызовом своей политике, предполагающей определенные обязательства перед западными партнерами. По мнению Туска, принятие документов должно облегчить жизнь многих поляков, причем не только гомосексуалистов, сделав ее более достойной¹⁵. Впоследствии, уже после неудачного голосования, премьер-министр предложил подготовить два новых законопроекта о незарегистрированных «партнерских союзах». Один из них должен носить более консервативный характер, другой предполагается исполнить в либеральном духе; но оба следует акцентировать на правах гомосексуальных пар.

Настойчивость лидера «Гражданской платформы» в отстаивании «партнерских союзов» достойна удивления, учитывая, что годом раньше члены

¹⁴ См. Polish parliament rejects efforts to legalize gay unions. 25 January 2013. — www.reuters.com/article/2013/01/25/us-poland-homosexuals-idUSBRE90OOLU20130125

¹⁵ См. Tusk kontra Gowin — debata związki partnerskie. 25.01.2013. — www.youtube.com/watch?v=nipEXY9L_hI

его партии проголосовали против аналогичного документа, представленного левыми депутатами. Теперь сторонники Д. Туска, выдвинув собственный вариант законопроекта, настаивают, что он «консервативен по своей сути» и полностью совместим с политикой партии. Впрочем, говоря о «консерватизме» применительно к «псевдобрачному» законодательству, эти деятели явно не принимают в расчет иные взгляды на ту же проблему — например исходящие от влиятельной правоконсервативной и клерикально-националистической партии «Право и справедливость».

Как отмечают наблюдатели за польскими политическими процессами, еще на этапе обсуждения скандальный законопроект столкнулся с ожесточенным сопротивлением консерваторов внутри самой «Гражданской платформы». Ситуация до некоторой степени напоминает протесты, возникшие примерно тогда же в Консервативной партии Великобритании по поводу курса на легализацию однополых браков. Правда, в британском случае речь шла не о «партнерских союзах», а о полноценных юридически оформленных брачных отношениях. Кроме того, оппоненты политики Д. Кэмерона апеллировали в основном не к представлениям о традиционной морали, имеющим отчетливую религиозную подоплеку, а к тому негативному воздействию, которому неизбежно подвергнутся имидж и электоральные перспективы партии. Для польских политиков, исповедующих последовательный консерватизм, отправной точкой являются конституционные нормы, не допускающие «гендерных вольностей», когда речь идет о браке и семье. Разумеется, в эту точку «сходятся» католические принципы и взгляды основной массы польского населения¹⁶.

Выразителем позиции «последовательных консерваторов» стал бывший министр юстиции в правительстве Туска и лидер консервативного крыла «Гражданской платформы» Ярослав Говин. Он открыто высказался в парламенте против планов своего же правительства, за что и поплатился портфелем. В дальнейшем, комментируя произошедшее, политик разъяснил, что, будучи министром юстиции, он был обязан защищать конституцию, которая не предполагает иной трактовки брака, кроме как союза мужчины и женщины. Поэтому, вне зависимости от личного отношения к «альтернативным» союзам, экс-министр был обязан заявить о неконституционности проектов их легализации. Признавая сексуальную ориентацию сугубо интимной стороной человеческого существования и настаивая на толерантном отношении к ее проявлениям, Я. Говин настроен категорически против попыток построения политической гей-идеологии¹⁷. Таким образом, польские консерваторы еще надеются удержать сексуальность за рамками социально-политических отношений. В этом угадывается отличие Польской Республики от многих стран Запада, где гей-движения давно и прочно вовлечены в политику.

Также заслуживает внимания ситуация в Венгрии. Новый Гражданский кодекс страны, включающий в себя положения о зарегистрированных партнерствах, был одобрен парламентом еще в сентябре 2009 года. Согласно ему возможна регистрация партнерских отношений, в том числе и для однополых пар. Партнеры пользуются всеми правами и обязанностями

¹⁶ См. **Wroński P.** Polacy: Związki partnerskie nie dla gejów. 28.02.2013. — http://wyborcza.pl/1,76842,13473637,Polacy_Zwiazki_partnerskie_nie_dla_gejow.html

¹⁷ См. Tusk kontra Gowin — debata związków partnerskie. 25.01.2013.

брачных пар, кроме права брать совместную фамилию, усыновлять детей и пользоваться доступом к искусственному оплодотворению. Тем не менее брак в Гражданском кодексе по-прежнему определялся как союз мужчины и женщины. Документ был принят при поддержке правившей в то время Венгерской социалистической партии и некоторых депутатов из либерального Альянса свободных демократов, ранее входивших в коалицию. Правые партии выступили резко против. Наибольшей критике подверглись положения, связанные с зарегистрированными партнерствами для однополых пар.

Противники Закона о зарегистрированном партнерстве (положения которого воспроизведены в Гражданском кодексе) обратились в Конституционный суд с петицией о признании закона неконституционным. В числе обратившихся были Христианско-демократическая народная партия и партия Фидес — Венгерский гражданский союз, а также целый ряд христианских организаций. По итогам разбирательства суд отклонил все претензии, постановив, что права однополых пар на юридическое признание и защиту вытекают из закрепленного в конституции права на человеческое достоинство. Суд также признал введение аналогичного браку учреждения для однополых пар конституционной обязанностью государства. Решение Конституционного суда изменить нельзя. Но ведь можно поменять конституцию!

Победа правых консерваторов на парламентских выборах 2010 года положила конец либерализации семейного законодательства. В апреле 2011-го венгерский парламент подавляющим большинством голосов принял новую конституцию, вступившую в действие с начала 2012 года. Ее проект был поддержан правящей партией Фидес — Венгерский гражданский союз. Как следует из текста нового Основного закона, венгерский народ объединяют «Бог и христианство». За государством закрепляется обязанность защищать жизнь, которая начинается в момент зачатия, что фактически означает запрет на аборт. Брак же обозначается только как союз мужчины и женщины¹⁸.

Однако тема отнюдь не исчерпывается борьбой за пресловутое «брачное равноправие» или даже агрессивной гей-идеологией, проникающей во все пласты социальной жизни. В неменьшей степени европейских консерваторов тревожит культурная экспансия, заставляющая принимать очень сомнительные ценности «новой толерантности» в качестве безоговорочной нормы. Своеобразным показателем может послужить реакция консервативных сил на итоги конкурса «Евровидение», проходившего в Копенгагене в мае 2014 года. В финале конкурса одержал победу австрийский трансвестит Томас Нойвирт, выступавший под сценическим псевдонимом Кончита Вурст. Это событие, в сущности, не имеющее никакого самостоятельного значения для европейской музыкальной культуры, тем не менее, стало заметным информационным поводом для разного рода политико-культурных рефлексий.

Как и следовало ожидать, свое «веское» слово сказали польские правые, видимо, всерьез претендующие на превращение Польши в новый консервативный полюс Европы. Лидер крупнейшей оппозиционной правонационалистической партии «Право и справедливость» экс-премьер Ярослав Качиньский увидел в итогах песенного конкурса «тревожное событие», которое «указывает на закат и упадок Европы». Его особенно тревожит, что «старая»

¹⁸ См. Венгерский парламент принял новую Конституцию 18 апреля 2011. — lenta.ru/news/2011/04/18/hungary

европейская цивилизация, пребывающая в состоянии морального упадка и разложения, тем не менее осуществляет мощную культурную экспансию в отношении «новой» Европы, распространяя здесь противоестественные, а по существу — антихристианские и душегубительные семена половой эмансипации. Агрессивная пропаганда разного рода половых извращений, выдаваемая за «воспитание толерантности» и «преодоление социокультурных барьеров», не просто ведет к стиранию природной грани между мужчиной и женщиной на уровне обыденного восприятия, она дезориентирует подрастающее поколение, навязывает ему совершенно неприемлемые поведенческие образцы¹⁹. Еще ярче и вместе с тем образнее выразился пресс-секретарь новой правой партии «Солидарная Польша» Патрик Яки. «Европа отбирает у нас верфи и сахарные заводы, а взамен подсовывает бородатых женщин», — гневно пишет он в Твиттере²⁰. Как видим, в устах польских правых традиционалистский и евроскептицистский мотивы неожиданным образом соединились.

Польские консерваторы не одиноки. Практически то же самое можно было услышать в те дни

от их венгерских, словацких, латышских коллег и единомышленников.

Противостояние происходит на уровне политической самоидентификации, часто не совпадающей с «официально заявленной» партийной принадлежностью. Если расхождение достаточно велико, неотрефлексированное употребление термина «консерватизм» ведет в мировоззренческий тупик с перспективой необратимой деградации целых пластов политического сознания.

* * *

Итак, в европейских политических кругах, декларирующих свой консерватизм, разгорелись нешуточные идеологические баталии, имеющие вполне определенное ценностно-практическое измерение. Очевидно, что суть конфликта глубже, чем зачастую пытаются представить, сводя разногласия к борьбе партийных группировок или к неизбежным следствиям electoralного популизма. Противостояние происходит на уровне политической самоидентификации, часто не совпадающей с «официально заявленной» партийной принадлежностью. Если расхождение достаточно велико, неотрефлексированное употребление термина «консерватизм» ведет в ми-

¹⁹ См. Eurovision's «bearded lady» victory sign of European «decadence». — www.radyjo.net/4/11/Artykul/170603,Eurovisions-bearded-lady-victory-sign-of-European-decadence#sthash.7gx1EObM.dpuf

²⁰ «W oczach Conchity Wurst widziałem oczy Tuska»; politycy biorą się za Eurowizję. 12.05.2014. — www.tvp.info/15164548/w-oczach-conchity-wurst-widzialem-oczy-tuska-politycy-biora-sie-za-eurowizje

ровозреческий тупик с перспективой необратимой деградации целых пластов политического сознания. В итоге политикам, позиционирующим себя в качестве консерваторов, приходится рассчитывать лишь на глубоко укоренившиеся стереотипы, которыми обеспечивается текущий консервативный дискурс. Следует заметить, что политические силы, стремящиеся к преодолению подобной нездоровой ситуации, пока явно в меньшинстве.

В столь сложных условиях философы-традиционалисты задаются вопросом о состоятельности политического консерватизма как такового. Ему противопоставляется консерватизм обывателей, не склонных к релятивизации своих представлений о сфере допустимого, чем так активно грешат «официальные» консерваторы. Рядовые члены общества формируют собственный «консервативный лагерь» в силу естественной приверженности традиционному порядку вещей, сложившемуся в той или иной стране. Этот порядок они поддерживают самым своим существованием, образом мысли и действиями. Не случайно известный британский публицист и философ Роджер Скрутон считает консерватизм «проблемой национальной идентичности»²¹.

Сила привычки, присущая обывателю, побеждает там, где идеология демонстрирует откровенную слабость и даже ущербность. Консерватизм как идеология был в буквальном смысле «приватизирован» многочисленными группами интересов и оказался перед жестким выбором: подчиниться «мейнстриму», приняв прежде неприемлемые формы социальных взаимоотношений в качестве нормы, или, сохранив самоидентичность, сместиться в маргинальную часть политического спектра. Такая постановка вопроса явно не способствует идейному возрождению консерватизма. Многие находят естественным и закономерным угасание консервативной идеологии, утешая себя тем, что в нынешнем быстро меняющемся мире попросту отсутствуют идейные устои, способные послужить основой для долгосрочной политической программы. Судя по всему, по крайней мере в странах Старой Европы подобный подход окончательно возобладал.

Следует признать, что в современных условиях политическому консерватизму крайне затруднительно противостоять прогрессистским идеям. По итогам бурных событий XX века консерваторы сами признали парадигму социального прогресса и теперь как минимум вынуждены мириться с «вытекающими последствиями». Но с позиций житейского здравого смысла, функционально вполне соотносимого с инстинктом самосохранения, есть целый ряд консервативных ценностей, не нуждающихся в идейном обосновании и утверждающихся их непосредственными носителями без оглядки на лукавую политкорректность. Среди упомянутых ценностей неизменно присутствует традиционный гетеросексуальный брак, имеющий своей целью рождение и воспитание детей.

Вопрос лишь в том, какова социальная база этого явления. Ведь пресловутый консерватизм «здравого смысла» предполагает не только систему традиционных взглядов, но и определенный образ действия, — а он нуждается в идейно-организационном оформлении, персональной моральной ответственности акторов, наконец, в отлаженном механизме трансляции и

²¹ **Scruton R.** Identity, family, marriage: our core conservative values have been betrayed. — www.theguardian.com/commentisfree/2013/may/11/identity-family-marriage-conservative-values-betrayed

преимственности. Как показывает европейская практика, при фактическом самоустранении политиков-консерваторов от проблемы половой эмансипации или их «переходе на сторону» прогрессистов-эмансипаторов только религия может послужить надежным идейным стержнем «обывательского» консерватизма. Поэтому размывание религиозных основ сознания, а тем паче — изгнание религии из общественной жизни в сферу «приватной духовности», ведет к тому, что, казалось бы, на сто процентов «приватная» сексуальность вдруг становится необыкновенно значимым и даже определяющим фактором существования социума с перспективой превращения в политически окрашенный фетиш. Все чаще приходится сталкиваться с ситуацией, когда политически активное сексуальное меньшинство диктует свою волю пассивному большинству при фактической поддержке со стороны государства и евробюрократии. В таких случаях консервативно настроенные граждане сами оказываются меньшинством перед лицом «прогрессивно мыслящей общественности», четко ассоциирующей себя с «мейнстримом».

Сказанное подтверждается сравнительно недавним опытом Французской Республики, где в 2013 году правительство социалистов легализовало однополые браки взамен разрешенных с 1999 года актов гражданского партнерства. Это вызвало протесты со стороны католической церкви и многочисленные манифестации противников принятого закона, в которых по всей Франции приняло участие несколько сот тысяч человек. Разумеется, возмущение общественности не возымело никаких результатов, хотя среди протестующих были не только воцерковленные католики, ставшие почти что этнографической редкостью (по разным оценкам, в современной Франции верующими христианами себя считают от 5 до 14 процентов граждан), но и все те, для кого понятие «традиционные семейные ценности» — не пустой звук и не абстрактная категория.

В секулярных западных обществах произошла полная десаκραлизация брачных отношений. Причем речь уже не идет о публично-правовых процедурах, «борьба с пережитками» осуществляется на уровне культурных стереотипов. Ситуация в Восточной Европе пока еще разительно отличается. В большинстве государств (за исключением Чехии) «обывательский» консерватизм слишком силен, чтобы власть могла позволить себе не считаться с ним. Соответственно, религиозные мотивы традиционного сознания здесь также выражены сильнее.

* * *

На протяжении двух тысячелетий концепт пола, гендерных различий оставался одним из самых значимых в христианской культуре и вероисповедальной практике. Сменявшие друг друга поколения европейских консерваторов по-разному относились к роли и месту религии в жизни общества, однако они не ставили под сомнение базовые ценности, справедливо считая их не какими-то специфическими «эманациями» духовного мира, а данными свыше гарантиями естественного порядка вещей.

Обеспечение прав сексуальных меньшинств в принципе не нарушало этого порядка, даже когда приобрело форму «позитивной дискриминации», поскольку не затрагивало саму суть гендера — веками неколебимой и, как казалось, вечной нормы. Так было, пока проблемы геев касались только самих геев, находя или не находя свое решение (к их радости или огорче-

нию). Так было, пока мечты об однополых браках оставались уделом «нетрадиционных фантастов», которым участие в реальной политике «не грозило» даже в самой отдаленной перспективе.

Признание однополых (а по факту — «бесполох») браков на законодательном уровне, осуществленное целым рядом европейских государств, обозначило новые горизонты гендерной эмансипации. Под видом плюрализма сексуальных предпочтений насаждается унифицированная, сексуально индифферентная и по сути своей — бюрократическая модель регулирования личной жизни.

Уместно говорить именно о «бесполости», поскольку с подачи парламентских партий (в том числе и «консервативных») законодательное игнорирование гендерной принадлежности касается теперь не только однополых пар. Не во всех странах это происходит сразу, но, как говорится, тенденция налицо. Уже притчей во языцех стал французский закон, согласно которому родителей ребенка, вне зависимости от семьи, где он воспитывается, во всех официальных документах будут именовать нейтрально: «Родитель А» и «Родитель Б». И ведь это не какое-то чудачество французских социалистов — с высоких европейских трибун уже раздаются призывы отказаться от «изживших» себя определений: «мать», «отец», «муж», «жена» и т. д.

В контексте доминирующей либеральной парадигмы мы привыкли отождествлять демократический строй с непрерывным умножением индивидуальных прав и свобод. При этом как-то забывается, что в основе демократии лежит концепция неотчуждаемого естественного права, а естественные семейные узы, безусловно, и есть один из примеров таких неотчуждаемых прав. Заменяя эти естественные узы на искусственно созданные посредством законодательного переопределения системы семейных отношений, государство не просто раздвигает границы допустимого. Оно самым решительным образом вторгается в «заповедные владения» общества, где веками существуют и воспроизводятся структуры, более древние и фундаментальные, чем сами государственные отношения.

Так что попытки ряда «консерваторов» усилить институт семьи посредством поддержки однополых браков будут иметь по меньшей мере один закономерный результат — усиление фискального присутствия государства в частной жизни людей. Нетрудно заметить, насколько подобный исход противоречит духу и сути демократии. ◆